

ўвагу на ўтварэнні назвы горада ад ракі Вільня, а Гедымінаў сон і яго разгадка з'яўляюцца неад'емнай часткай апавядання.

Зварот да абранага сюжэта быў невыпадковым. Для філаматаў Вільня заўсёды была сэрцам ВКЛ, асяродкам яго духоўнасці, нацыянальным гонарам. А старонкі слаўнай гісторыі былі самымі прыцягальнымі для паэтаў-рамантыкаў. Так, легенда пра Вільню адкрывае і чацвёртую частку “Хады дыпламатычныя і паляўнічыя” знакамітай паэмы А. Міцкевіча “Пан Тадэвуш”. Паэт асэнсоўвае старонкі гісторыі ВКЛ, і Вільня паўстае сімвалам дзяржаўнасці Літвы. Значэнне гэтага вобраза складаюць міні-сімвалы Леса (загадкавасці і прыгажосці) і Жалеза (воінаў-абаронцаў):

А там, дзе сёння Вільня, – сведчаць летапісцы –
Яму прысніўся воўк жалезны апоўначы.
Князь зразумеў тады, што сон быў знак прарочы,
І горад заснаваў, паклаўшы першы недзе
Свой камень закладны. З тых пор паміж мядзведзяў,
Зуброў і вепрукоў, як рымская ваўчыца,
І Вільня ў нетры пушч. З яе саскоў карміцца
І Кейстуту з Альгердам выпала, і слаўным
Нашчадкам – воінам-князям, у бітвах спраўным
З прышэльцаў воінствам ды і ў не меншай меры
Ў аблавах на зуброў ці на другога звера.
Так нам, нашчадкам іхнім, сном таго шчасліўца,
Нібы з гары ўказальным пальцам празарліўца,
Быў лёс Айчыны вызначан беспамылкова:
Жалеза і лясы, Літва, — твая ахова! [2, 97-98]

Такім чынам, Вільня была адным з вядучых цэнтраў культурнага і літаратурнага жыцця першай трэці XIX ст. Віленскі ўніверсітэт стаў калыскай інтэлігенцыі, развіцця філамацкага руху і літаратуры.

Літаратура

1. Чачот, Я. Выбраныя творы / Ян Чачот. – Мн.: МФ “Беларускі кнігазбор”, 1996.
2. Міцкевіч, А. Пан Тадевуш, або апошні наезд на Літве: Шляхецкая гісторыя 1811-1812 гг. У 12-ці кн. вершам. – Мн., 1998.

ПРОБЛЕМА “ОЧЕЛОВЕЧЕНИЯ” ПРОТИВНИКА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ВОЕННОМ РАССКАЗЕ (В. ГАРШИН – М. ГОРЕЦКИЙ – В. БЫКОВ)

С.В. Лапунов

Во вступлении ко второму севастьяпольскому рассказу Л.Н. Толстой заметил: «Мне часто приходила странная мысль: что, ежели бы одна воюющая сторона предложила другой – выслать из каждой армии по одному солдату? ... Действительно, какая бы была разница между одним русским, воюющим против одного представителя союзников, и между восьмьюдесятью тысячами воюющих против восьмидесяти тысяч?» [1, с.103]. Первый вариант, по мнению писателя, «гораздо логичнее, потому что человечнее» [1, с.103], поскольку дает возможность ощутить абсурдность войны. Эта ситуация ляжет в основу художественного осмысления классической военной прозой проблемы восприятия противника в нравственно-психологическом плане, результатом которого стала переоценка отношения к противнику как к «плохому чужаку».

Первой попыткой «очеловечения» противника в военной прозе В. Быкова исследователи творчества писателя считают рассказ «Одна ночь». А.Адамович связывал с ним стремление вернуть в литературу традицию видеть в противнике не только врага, но и жертву трагических обстоятельств. Назвав рассказ «воспоминанием белорусской литературы о самой себе» [2, с.68], Адамович доказывал взаимосвязь «Одной ночи» с рассказом М. Горьцкого «Русский» («Руски», 1915), даже несмотря на «автономность»: «калі помніў каго, дык хутчэй Талстога, Рэмарка, Хемінгуэя, а не Гарэцкага» [2, с.68]. Соглашаясь с этим мнением, мы считаем, что художественные решения рассказов «Русский» и «Одна ночь» в значительной мере взаимосвязаны с рассказом В.М. Гаршина «Четыре дня».

В основе сюжетов рассказов Гаршина и Горьцкого – история убийства «несчастливого» человека в «чужом» мундире. Гаршинский египтянин в турецком мундире – такой же заложник обстоятельств, как и белорус в русском мундире и украинец в австрийском мундире у Горьцкого. Как Иванова, так и Русского убийство заставляет ощутить ужас войны, а нравственное потрясение

ние от встречи с «чужаком» отягощено физическим и психическим увечьем соответственно. Вокруг персонажей создается изолированное пространство: если Иванов четыре дня находится один на один с убитым египтянином, то встреча солдат в рассказе Горецкого происходит вечером на пустом картофельном поле. Ощущение пустоты вокруг центрального персонажа сохраняется по мере развития событий. Но если у Гаршина и Горецкого изоляция достаточно условная, то персонажи Быкова изолированы буквально. Картина боя в «Четырех днях» и «Одной ночи» лишена целостности, столкновение с противником в рассказах Гаршина, Горецкого и Быкова происходит неожиданно. Если Гаршин оставил своего Иванова один на один с *убитым* врагом, то Быков усложнил ситуацию: в подвале дома изолированы два *живых* человека, в более широком смысле – представители двух народов, ведь имена солдат – Иван и Фриц – в сознании противоборствующих сторон стали нарицательными.

Осмысление дальнейших событий героями рассказов Гаршина и Быкова происходит, на первый взгляд, в одинаковом направлении: от бессознательной ненависти к попытке понять «чужого». Однако в изображении этого движения есть принципиальные различия. Для гаршинского Иванова бой, в котором он лицом к лицу столкнулся с врагом, был первым. Иванов не только не считает убитого египтянина врагом, но и испытывает перед ним чувство вины: «Ему велели идти, он и пошел... Мы напали, он защищался. Но видя, что мы страшные люди, ... всё лезем и лезем вперед, он пришел в ужас. Когда он хотел уйти, какой-то маленький человечек, которого он мог бы убить одним ударом своего черного кулака, подскочил и воткнул ему штык в сердце» [3, с. 25]. Главный герой «Одной ночи» не новичок на войне. Но в отличие от трех немцев, убитых им в предыдущих боях, этот был безоружен: ««Забіць!» – бліснула думка... Але, мабыць, гэта лёгкасць і прытрымала яго рашучасць» [4, с. 163]. Отсутствие взаимной угрозы и совместные усилия в поиске выхода постепенно смягчают ненависть. Враги пытаются найти общий язык, и каждый из них ощущает, что у них много общего: возраст, жизненный опыт, в том числе мирная профессия плотника. Вынужденная изоляция, казалось бы, превращает врагов в просто людей: «Два гэтыя пажылыя, труднага лёсу працаўнікі былі тут людзі і толькі дбалі пра тое, як абодвум застацца жывымі...» [4, с. 178]. Но даже в изолированном пространстве в сознании каждого сохраняются «ограничители». Белорус Волока не может забыть о гитлеровских зверствах. Не может он не задуматься и о том, что подумают об этом его товарищи и начальство. В бреду, где смешаны воспоминания мирной и военной жизни, Волока видит угрожающего ему особиста Воронова: «Чаму не забіў?... Вышэйшую меру табе!» [4, с. 178]. В сознании Хагемана не менее сильны страх за себя и семью: «Гаўптман гестапа Крафт шрайбен, - фрау, кіндэр ком, ком, ком унд канцлагер» [4, с. 173]. Солдаты понимают, что их судьба зависит от происходящего наверху: «Вось вылезем, а тады што?» [4, с. 169]. По мере движения наружу у Володи растет чувство страха и подозрительности. Усиленный пропагандистским «образом врага» страх оказаться у турок в сознании героя «Четырех дней» возникает, когда в окружающем пространстве появляются люди: «К этим мучениям прибавятся еще другие, более ужасные, от которых дыбом волос становится, даже когда о них читаешь в газетах. Сдерут кожу, поджарят раненые ноги... Хорошо, если еще только это, но ведь они изобретательны» [3, с. 28 – 29]. После выхода Ивана и Фрица из замкнутого пространства всё так же внезапно возвращается в исходное положение. Но память о встрече с врагом один на один стала для него, как и для Иванова и Русского, толчком к осознанию абсурдности войны: «...сталася вялікая, яшчэ не ўсвядомленая да канца нясправядлівасць, перад магутнаю сілай якой і ён, і Фрыц Хагеман былі бездапаможнымі» [4, с. 185].

Литература

1. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.2. Повести и рассказы 1852 – 1856. – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.
2. Адамовіч А. «Браму скарбаў сваіх адчыняю...» – Мн.: Выд-ва БДУ, 1980. – 224 с., іл, 1 л. партр.
3. Гаршин В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма./ Сост. В.И. Порудоминский. – М.: Сов. Россия, 1984. – 432 с., 1 л. портр.
4. Быкаў В. Збор твораў. У 6 т. Т.6. Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстка. – Мн.: Маст. літ, 1994. – 543 с., [4] л. іл.